

Владимир КУПРИЕНКО

выпускник БГПИ 1977 года,
член Союза писателей России

Признаться честно, с волнением пишу эти строки. Во-первых, потому что их будут читать мои литературные Наставники – Анна Вайсман и Ольга Щербань. Этим прекрасным женщинам и Высоким Профессионалам я обязан своим становлением в литературных исканиях. Поклон Вам земной, сударыни! Во-вторых, потому что эти строки будут читать люди искушённые, равно строгие – мои коллеги разных поколений. Это очень ответственно.

Пару слов о себе. Я – амурский ротан северного исполнения. Родом из золотого прииска Октябрьский (ныне, после всяческих коллизий и перестроек, село), что в Зейском районе. В журналистику и писательство пробирался непросто, пройдя двухгодичный курс обучения в Иркутском институте иностранных языков, затем полный курс в родном пединституте. Пробирался и таки добрался, став в 1981 году членом Союза журналистов СССР (теперь – России), а в 1994 – членом Союза писателей СССР (России).

Пишу много и с большим удовольствием, потому как графоман. В разное время издал пять книг прозы и две – публицистики. Предложение принять участие в уважаемом издании принял с удовольствием.

Творческих нам всем удач и процветания альманаху!

Рассказы

ШУБА ИЗ ГОЛУБОЙ НОРКИ

Об эту проблему Белов «ударился» давно, ещё на севере. Он приехал на работу в знаменитое управление «Северавтодор» и сразу почувствовал основательность этого географически далёкого места. Впервые – в магазине. Это был небольшенький смешанный магазинчик, но его прилавки просто ломились. И от вещей, и от продуктов. В ту пору это было просто невероятно. В том городе, откуда приехал инженер-механик Белов, ничего подобного давным-давно не было. А может, и вовсе никогда. Классные вещи, классная обувь, классная еда. Всё по высшему разряду. Так ему показалось.

Второй раз чувство основательности и некоторой охренелости пришло у кассы, где ему выдали подъёмные. Увидев в ведомости сумму, Белов просто ошалел. Настороженно спросил у кассира: «Вы ничего не перепутали, уважаемая?» Женщина иронично хмыкнула и сказала утвердительно: «Это скоро пройдёт. Расписывайтесь». Так и произошло, к большой зарплате он привык быстро.

Через полгода приехала жена. За неделю до её появления Белов начал рыскать в поисках достойного подарка. Уж очень хотелось сразить Людмилу, свою любимую раз и навсегда Люсю. Чтобы наповал. Бац – и в дамки. А чем сразить? А как? Коллега Гаврушев посоветовал: «Шубу подари. Здесь без шубы швах. Постарайся достать». Белов не понял: «А чё доставать-то? Этих шуб в магазине, как грязи...» Гаврушев красноречиво покрутил пальцем у виска: «Болван ты, Белый. То разве шубы? То портянки искусственные. Ты мутон добудь. Вот тогда – да».

Белов сунулся туда, сюда – фигос под нос. Завмаг, душевный человек Вера Васильевна, подсказала: «В продснаб иди. Только едва ли выделят. Но всё же так попробуй, а вдруг». Он пришёл, постучался в дверь директора, вошёл и сразу заиграл. Здоровенный, красивый мужик. Глаз горит, улыбка белозубая сверкает. Обаянием и нахрапом решил взять. Но не вышло. Директриса, утомлённая властью и заботами

женщина средних лет, тяжело вздохнула и спросила-утвердила: «За мутонкой пришёл». Белов быстро-быстро закивал и ещё шире заулыбался, а директриса устало потёрла глаза и сказала: «Не положено ещё твоей бабе мутон носить. Через три года придёшь».

Сказала – как ужалила. Белов чуть к потолку не подпрыгнул от возмущения и унижения: «Через три года?! Да ты к тому времени уже крякнешь, пепельница треснутая! Ноги моей здесь больше не будет. Доживай!» Хрястнул дверью и вышел на мороз. И в тот день, тот час, тот миг поклялся себе Слава Белов, что не он будет, если через три года не оденет свою Людмилу в шубу из голубой норки.

Погорячился, конечно. Прочитал как-то в журнале «Иностранная литература» про шубу из голубой норки, и запала она ему в душу. А какая голубая норка в те годы? Такие шубы разве что жёны секретарей ЦК КПСС носили. Или какие актрисы народные – разные там Аллы Демидовы.

Словом, встречал Белов свою супругу в аэропорту с развесёлой, под леопарда, искусственной шубой в руках. Но печаль его быстро исчезла, когда увидел свою Люсю. А уж как она обрадовалась, как заохала и заахала, когда он шубу раскрыл и набросил ей на плечи. Никогда она такой шубы не носила, не по деньгам им было такую шубу иметь.

А через год, на день рождения жены, Белов красиво бросил к её ногам мутоновую шубу. Где и как он её достал – тайна, покрытая мраком, как говорил сторож управления Артёмыч. Уж как только ни пыталась Людмила дознаться, ничего у неё не вышло. Но на самом деле всё было предельно просто: Белов усилил двигатель на «Волге» мужа директора продснаба. Такой своеобразный мен получился. Я – вам, вы – мне. Когда муж той самой утомлённой властью госпожи Быстровой к нему пришёл, Белов ему прямо в лоб выложил: «Двигун усилить – не шутка, только за это шубу мутоновую сорок восьмого размера принесёшь». И тот принёс.

Людмила шубе, конечно, обрадовалась, только не было в её глазах того счастья, как от первой искусственки. Привыкла уже к северной финансово-раскрепощённой жизни. А ту «леопардовую» она на следующую зиму плотной плащёвкой обшила, чтобы ветер не продувал. На севере женщины одевались специфично. мехом внутрь – пальто с капюшоном, оленьи унты, мужские меховые шапки с ушами из волка или лайки. Песец, норка и прочая меховая деликатность здесь в почёте не были. До времени, конечно.

Время шло, и Белов поступательно двигался дальше к достижению «великой цели» – шубе из голубой норки. Через пару лет после «мутонки» он подарил (опять-таки на день рождения) супруге шубу из казахской лисы. Белой казахской лисы! Это был писк, и Люся, в самом деле, запищала от восторга. Это был истинный эксклюзив, ни одна северянка никогда в жизни не носила такой шубы. Даже директор продснаба Быстрова и жена начальника управления – модница Лариса Ягоднова. А жена главмеха Белова (таковым он уже стал) – носила и в ус не дула. Легко и изящно.

Женщины цокали языками от восторга и завидовали. Некоторые – чёрной завистью. Мужчины глядели на Белова с удивлением и даже недоумением, мол, совсем мужик головой съехал, помешался на шубах, разве ж можно так бабу баловать... Они не знали одного весомого обстоятельства из жизни главмеха: Славка Белов был детдомовцем, истинным детдомовцем, и заботиться о ком-то, тем более младшем, тем более любимом, было для него нормой. Он с таким же трепетным вниманием и любовью заботился и о своих детях – двойняшках Катке и Петке, но они были ещё малы, поэтому не выделялись так, как их мама – роскошная Людмила Белова. Она стала такой, вернее, таковой её сделали муж и северная зарплата: холёной, гордой.

Через пять лет пребывания на севере Белов одарил жену норковой шубой. Нет, не голубой, обычной, коричневой. Тогда уже было другое время, тогда скоропостижно скончался СССР, и всё сначала рухнуло, потом резко переменилось. Север сразу осиротел, потому что его обитатели начали панически возвращаться на материк. А что оставалось делать? Куда подевались надбавки, льготы? Север стал обычной территорией. А тут ещё этот «павловский выстрел» с денежной реформой. Северяне потеряли большие деньги. Те самые, на которые предполагалось жить и не тужить на материке, строить жильё себе и детям, проводить лето на море, красиво одеваться и даже немножко сорить деньгами.

Но деньги в одночасье пропали, и северяне растерялись. А многие просто рухнули психологически. Все долгожители севера помнят, как геолог Саня Успенский, обладатель 150000 рублей (по тем временам – бешеные деньги!) пришёл в банк и... Нет, не пришёл, ворвался, сбил с ног охранника, рванул на себя дверь управляющего, схватил его за горло, придушил, потом отпустил и, протянув початую бутылку чистого спирта, сказал: «Выпей за упокой души советского трудяги, г...к».

Вот именно тогда, в те лихо-дурацкие времена Славка Белов умудрился подарить своей Люсе норковую шубу. Он привёз её из Китая, где был в командировке по поводу создания СП (совместного предприятия). Никакого предприятия они не создали, но обсуждали почти неделю возможные варианты, и при

этом пили ароматизированную (на самом деле просто вонючую) китайскую водку и много ели. А на финише несостоявшийся партнёр Лифунчан подарил Белову норковую шубу. Одну из первых десяти, которые предприимчивый китаец начал быстро шить для россиянок.

Белов вернулся домой (они не сбежали с севера) в день, когда «за бортом» было +39 градусов по Цельсию. Люся, закрыв глаза, лежала в шезлонге в купальнике. Славка вытащил из дорожной сумки шубу и накрыл жену. мехом к телу. Ей стало уютно и почти прохладно, и она сразу крепко полюбила эту шубу, а ещё крепче – своего удивительного мужа.

Потом была шуба из енота, а позднее – из стриженного бобра. Белов привозил их из благословенного Китая, где бывал часто по делам своей (уже частной) фирмы. А между ними – шубы из каракуля и каракульчи. Люся принимала дары, звонко хохотала и, прижимаясь к мужу, шептала: «Ты совсем спятил, мужик мой, ты подарил меня напрочь, и мне это очень нравится...» Белов улыбался и хитро косил глазом: только он знал о заветной цели – шубе из голубой норки.

И он пришёл к этой цели. Через семь лет северной житухи, где год идёт за два, а то и за три, когда сильно припекает. Однажды Белов заработал достаточно денег и сказал себе: «Вот оно, Славентий, пришло время. Пора». Сказал и двинул в Сибирь. Почему в Сибирь? Так за шкурками голубой норки. Эту шубу Белов решил построить. Именно построить. Так говорят скорняки и пошивочных дел мастера. Великий Портной Зеня Немин как-то рёк за рюмкой чая: «Истинную вещь, к примеру, шубу или там костюм солидный, надобно строить». И Белов начал строить.

Для начала проконсультировался у Зени на предмет количества шкурок для длиннополой шубы сорок восьмого размера с капюшоном, потом уболтал его на поездку за этими самыми шкурками. Они проторчали на звероферме неделю. Целую неделю Зеня копался в шкурках, при этом делал жуткий глаз и говорил шёпотом: «Вы шо, не понимаете? Это шкурки для шубы женщины высокого полёта». Портной настолько зашугал всех, что персонал фермы решил, что эта женщина – жена самого Президента. Или что-то в этом роде.

Через неделю шкурки (ах, какие это были шкурки, какие шкурки, одна к одной!) уже были растянуты в мастерской Зени, а через два месяца Великий Портной построил шубу. Он делал это скрупулёзно, выстраивая каждый сантиметр, да что там сантиметр – каждый миллиметр меха. И когда мех был готов, Зеня «случайно» затащил на чашечку кофе красавицу Людмилу Белову и так же «случайно» снял с неё мерку. «Мне хочется поучаствовать в одном престижном конкурсе, и Вы, милая панночка, станете моей моделью. Вы же не откажете старому Зене, правда?» Но, сделав мерку, Портной больше ни единого раза не пригласил свою модель. Впрочем, Люся и не ждала, полагая, что этот старый кобель просто хотел немножко потрогать её тело.

В очередной день рождения (в тот самый, когда баба ягодка опять) Вячеслав Николаевич Белов, весь из себя в отличной пиджачной тройке (тоже работа Великого Портного), в присутствии изрядной компании гостей бросил к ногам жены шубу из голубой норки, встал на колени и поцеловал нежные руки своей любимой...

ПОСТЫ НАШИ

Прораб Васильев познакомился со священником отцом Василием. Случайно, в поезде. Ехали в одном купе, и, как водится в поездах, посетил прораба синдром попутчика. Как-то незаметно всё получилось. Поздоровались, познакомились. Слово за слово, и разговорчивого прораба понесло. О себе всё поведал, о семье, о собаке лабрадоре по кличке Гав и даже о давней любовнице Даше. Как на духу.

Всё рассказал и застеснялся разом. Неловко как-то, о себе да о себе. Повинился: «Вы уж простите, батюшка, разговорчивость мою. Я по жизни такой, у меня работа разговорчивая. Хотя и у вас... Может, расскажете о себе? Если возможно, конечно. Я ж понимаю...»

Батюшка улыбнулся и пожал плечами: «Даже и не знаю, с чего начать... Родился, крестился, учился... Скажу честно, не люблю о себе рассказывать. Муторное это занятие. Вы лучше поспрашивайте о чём ином, с удовольствием отвечу».

Васильев сделал заинтересованное лицо, закатил глаза к потолку и сказал мечтательно: «Про посты расскажите, если возможно. Очень это увлекательное дело. Я хоть и безбожник и нехристь, но многое мне у вас нравится, а посты уж и вовсе интригуют. Ведь придумал же кто-то такую точную и полезную схему...»

Батюшка изучающе посмотрел на попутчика и спросил: «Подробно ли хотите знать?» Прораб быстро-быстро закивал головой: «Конечно же! Всё хочу знать о постах. Вы не думайте, отец Василий, я не только болтать, но и слушать умею».

Батюшка приосанился и начал: «Пост, друг мой, — это самое древнее церковное установление. Первой заповедью, данной первым людям в раю, была заповедь о посте. Постились все — ветхозаветные праведники, святой Иоанн Предтеча, и, наконец, Господь наш Иисус Христос постился сорок дней перед выступлением на проповедь, по примеру чего установлен и наш самый строгий Великий Пост.

С сожалением сообщаю Вам, что, несмотря на все благие примеры, несмотря на то, что пост всегда существовал в Православной Церкви, многие в настоящее время не соблюдают его. Причин тому много, но основные — наше маловерие и наши малые знания о посте. Как раз вы из категории таких людей, если я вас правильно понял.

Очень важно, уважаемый, определиться, ради чего мы постимся. Если мы это делаем Христа ради, ради послушания Святой Церкви, тогда приобретается духовная основа и достигаются соответствующие плоды. Если же мы что-то другое ставим во главу угла, тогда это будет диета, голодовка, вегетарианство и так дальше, но только не пост. Хотел, чтобы вы поняли раз и навсегда: пост имеет значение не сам по себе, а как средство к приобретению душевного здоровья, от которого, так или иначе, зависит и физическое. Понятно ли говорю?»

Васильев снова закивал головой и призывно замахал рукой, мол, дальше, дальше! Сановный священник отхлебнул остывшего чая и продолжил: «Как известно, пост, прежде всего, выражается переходом с более питательной мясной пищи на менее питательную рыбную и растительную и даже на сухоядение. Переменою пищи Церковь призывает ослабить чувственность и дать пе-

ревес нашему духу над плотью. Переходя с более питательной на менее питательную пищу, мы делаем себя более лёгкими, подвижными, более способными к духовной жизни. Каждый может прочувствовать это. Попробуйте после сытного обеда заняться серьёзной умственной работой, и вы увидите, как это трудно. А молиться — ещё труднее...»

Прораб аж подпрыгнул от удовольствия: «Очень верно, батюшка! Я, как поем плотно, — копец. Какая там работа, сразу засыпаю. Просто валюсь с ног, и всё. Вот давеча с мужиками зашли после работы в кафешку, поужинали с водочкой (зарплату отмечали), и так в сон потянуло, что не выдержал, заснул за столом и проснулся только дома... Ох, простите, бога ради, опять заговорил, ядрён батон».

Отец Василий мелко затрясся от смеха, но быстро справился и опять заговорил назидательно и поучительно: «Говорят, что можно злоупотреблять и постной пищей. Это так, но мы должны иметь в виду не злоупотребления, а то, что предписывает нам Церковь, которая учит, что и в постной пище надо соблюдать умеренность. Некоторые утверждают, что постная пища вредна для здоровья. Это неверно. Для здоровых она не вредна, а польза доказана жизнью. Кому же, по слабости здоровья, необходимо усиленное питание, тому и Церковь разрешает облегчение поста».

Васильев снова подпрыгнул: «Вот-вот, мне бы это пригодилось, потому как здоровье давно уж пошатнулось. А как ему не пошатнуться, батюшка, ежели по молодости и ели бог весть как, и пили что попало...»

Батюшка благосклонно кивнул и продолжил: «Перемена пищи, друг мой, предписываемая Церковью в пост, имеет ещё и то значение, что даёт нам возможность упражнять нашу волю в сдерживании своих желаний и привычек. Переход со скоромной (не постной) пищи на постную порой тяготит. Это очевидно, но, побеждая это неприятное чувство и подчиняя себя уставу Церкви, мы себя дисциплинируем, проявляем власть свою над своими привычками и вкусами, а это, уверяю вас, очень полезно».

Попутчик-прораб тяжело вздохнул: «Эх, батюшка, вашими б устами да мёд пить. Но я со своими дурными привычками справиться не могу, скажу по чести и совести. Я, к примеру, ежели сто пятьдесят беленькой утром, в обед и вечером не выпью — болею. Просто болею, и всё тут. Жизнь — не в жизнь...»

Священнослужитель резко чиркнул рукой: «Слабоволие это и наговор. Всё может человек. Внутренние силы его безмерны. Но вернёмся к посту. Мы ещё более оценим его значение, если осмыслим, что пост состоит не только в том, чтобы заменить скоромную пищу на постную, но и в том, чтобы ограничивать себя в излишествах и развлечениях. Например, меньше спать, удерживаться от лакомств, побеждать зависимость от телевизора, спиртного, курения. Всё это излишества ненужные, уверяю вас. А ещё Церковь требует от нас духовного поста.

В это время мы должны особенно заботиться о подавлении и искоренении своих дурных наклонностей, привычек и желаний, быть более внимательными к своим родным и близким, примириться с теми, с кем в ссоре, Христа ради помогать нуждающимся...»

Васильев поник головой: «Третью неделю с женой, Елизаветой Павловной, не разговариваю. Как не дала мне похмелиться, так и замолк. Но и она не права, батюшка. Опохмелье – это не блажь, это возврат здоровья. Ежели вовремя не похмелиться, то и ноги можно протянуть. Ведь так, батюшка?!»

Отец Василий горько улыбнулся: «Не о том вы. Не о том. Искать надо покаянного чувства, готовиться к Исповеди и Святому Причастию. Поймите, Церковь не

напрасно приняла и хранит святые посты. Научимся уважать пост – оценим его пользу. И очень важный момент – никогда не осуждать как тех, кто постится, так и тех, кто не постится. И всегда относиться друг к другу с пониманием...»

Священник замолчал и поднял глаза. Всё верно, тишина была не случайной, разговорчивый попутчик спал, неудобно запрокинув голову. Слушать он не умел, видит Бог...

От редактора. Наконец-то на страницах нашего альманаха мы представляем творчество Владимира Куприенко – выпускника нашего вуза, талантливого журналиста и прозаика. Автора, который стремится показать подлинную, непридуманную и неприкрашенную жизнь, в том числе самые её неприглядные стороны. Автора с особой стилиевой манерой, со своими неповторимыми героями. Первый рассказ – о бывшем детдомовце Славке Белове, в общем-то, неплохом человеке, трудяге, хорошем семьянине, сознательная, зрелая часть жизни которого приходится на закат социализма и период «перестройки» – то есть на эпоху, обесценившую, сделавшую глупыми и смешными все высокие идейные и духовные порывы. В своей обычной полуиронической манере автор рассказывает наполненную узнаваемыми бытовыми реалиями историю жизни, смысл и назначение которой герой видит в решении совершенно приземлённой задачи: в век тотального дефицита, когда недостаёт даже самых обычных, «ширпотребовских» вещей, он с какой-то маниакальной настойчивостью ищет, добывает для любимой жены шубу из небесно-голубой норки. Но это лишь внешний пласт. Главное же в рассказе – подтекст, лирико-метафизическая история души человека, сумевшего сохранить в самых неблагоприятных для этого социально-исторических и бытовых условиях пусть искажённую, существенно деформированную, но при этом явственно выраженную потребность в чём-то высоком и прекрасном, в каком-то необыкновенном по силе проявления своей любви, своего обожания поступке. И не столько вина, сколько беда Белова (и многих-многих других русских людей), что действительность властно перекодирует, перенаправляет его по сути эстетический, идеальный порыв в русло житейской прагматики. Второй рассказ – о царящем в нашем обществе разноязычии и разномыслии, о невозможности или неспособности русских людей понять друг друга. В закрытом пространстве вагонного купе автор сводит двух попутчиков – прораба Васильева и священника Василия (перекличка фамилии одного с именем другого – не случайная деталь), которые говорят как будто бы об одном, но при этом совершенно не понимают друг друга, не пересекаясь ни на уровне сознания, ни на уровне душевных и духовных движений. Словно представители двух разных космических цивилизаций, которые выучили язык межгалактического общения, чтобы наладить контакт. Тщетно...

Валентина КОБЗАРЬ

член Союза журналистов России

Первая половина моей жизни прошла в Приморском крае, у моря. В Благовещенск я приехала по распределению, после окончания отделения журналистики филологического факультета ДВГУ. И вот уже больше тридцати лет живу на берегах двух великих рек. Амурская область – моя вторая малая родина. Здесь я работала в газетах «Амурская правда», «Моя мадонна», «Молодёжка». Журналистика подарила мне огромное количество встреч с замечательными людьми, за что я очень благодарна своей профессии.

«Сказки для взрослых» были написаны в период острой влюблённости. Более серьёзно литературой я никогда не занималась. Но не теряю надежды снова влюбиться, и, может быть, тогда напишу роман. Как знать...

P.S. Я признательна издателям альманаха «Амур», знакомящим любителей словесности с произведениями амурских авторов. Желаю изданию и его творческому коллективу долгих счастливых лет.

Сказки для взрослых

Двое

В железном киоске за железной решёткой сидела девушка. Она там работала. Ей хотелось на волю – в парк, на дискотеку, на речку. Но тут платили, хоть и небольшие, деньги, к тому же жених мог попасться богатый. А милиционеры небогатые. И работа у них опасная.

При чём тут милиционеры? Да постовой стоял на посту недалеко от киоска. Они в форме все одинаковые, а этот был какой-то особенный. Так думала девушка, глядя на молодого, в веснушках, изо всех сил серьёзного милиционера.

Она не смогла бы объяснить, что такого в нём необычного, отчего, когда он подходит к киоску, она цепенеет и забывает своё имя, почему ей хочется целыми днями смотреть на него.

Молодой постовой любил леденцы на палочке. Но несолидно ведь при форме, при дубинке и с леденцом. Поэтому он конфеты сменил на сигареты. Не столько сам курил, сколько друзей угощал, чтобы пачка скорее заканчивалась и надо было идти за новой.

Покупал он сигареты всегда в одном и том же киоске недалеко от своего поста, где за решёткой сидела девушка. «Красивая. Но, наверное, легкомысленная. В таком месте, сутками работает...» – так думал о девушке постовой.

Он не мог бы объяснить, почему старается чаще подходить к киоску, подольше возле него задержаться, почему глаз не может отвести от девушки.

Они были молоды. Они думали, что настоящая жизнь где-то там, впереди. Они думали, что впереди

